

Коллекционер советского образца

ГМИИ имени Пушкина отмечает столетие Ильи Зильберштейна

Коммерсантъ - 2005 - 23 дек - с. 22.

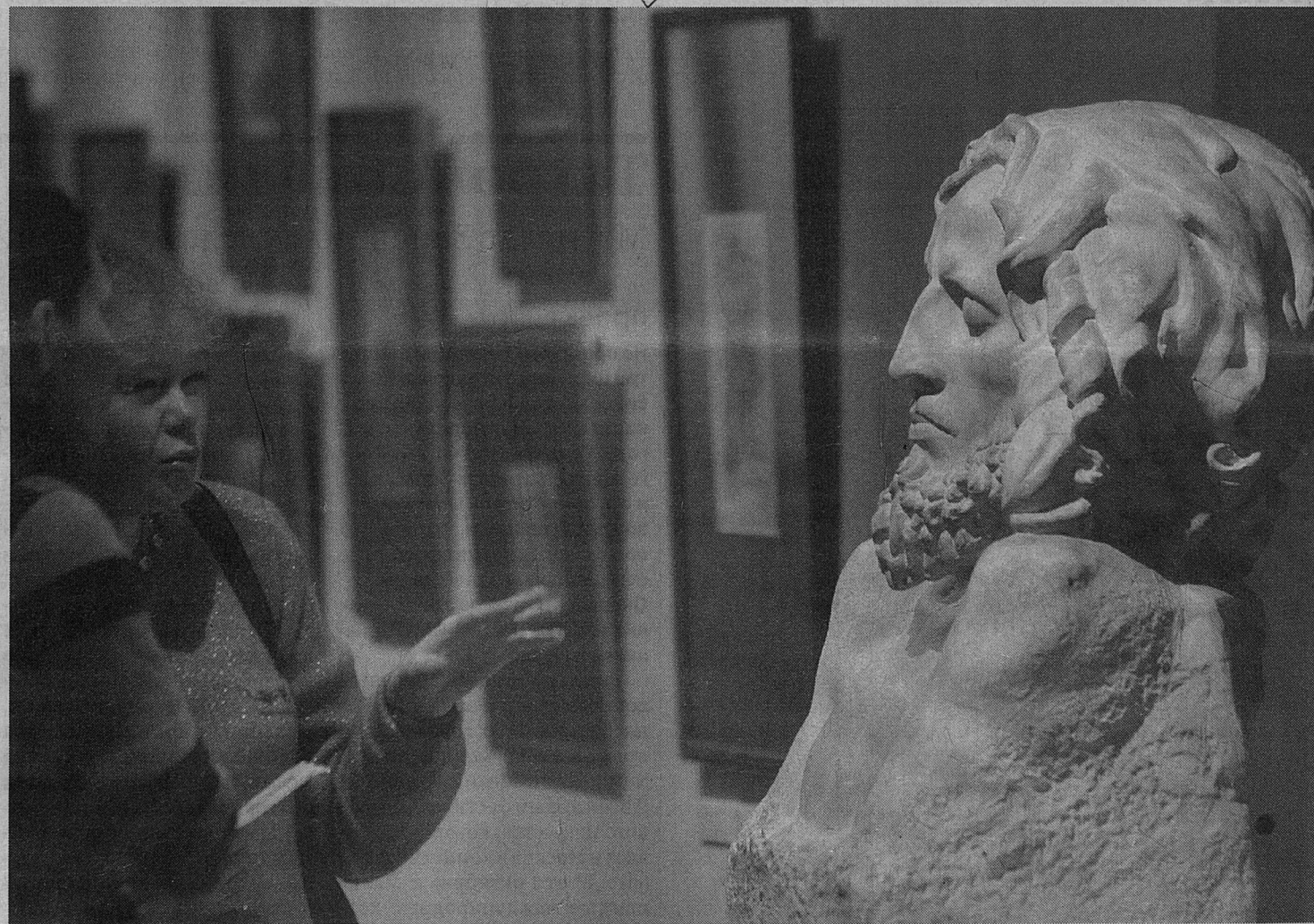
ВЫСТАВКА антиквариат

В Музее частных коллекций ГМИИ имени Пушкина открылась выставка «Парижские находки», посвященная столетию Ильи Зильберштейна, которому когда-то принадлежала идея создания этого музея и чья коллекция стала одной из первых, сформировавших его фонды. На выставке побывал ГРИГОРИЙ РЕВЗИН.

Для того чтобы оценить эту выставку, нужно знать, кто такой профессор Илья Зильберштейн. Основатель и бессменный редактор почти сотни томов «Литературного наследия», человек, вывезший в Россию из Парижа и Монте-Карло около двадцати тысяч произведений русского искусства, редких книг и документов, рассредоточенных теперь по всем музеям бывших республик СССР, умница, талант, подвижник и прочее, прочее. Когда знаешь все это, знание как бы распространяется на вывешенную коллекцию, создает ей некий особый ореол из трех частей: интеллигенция-эмиграция-государство. Илья Савельевич оказывается Джеймсом Бондом от интеллигенции, который, выезжая в 60-е годы в Париж практически без денег, на личном обаянии оживляет русскую эмиграцию, и в результате диппочтой через посольство текут в СССР портреты людей пушкинской эпохи и бесценные рукописи, рисунки художников круга «Мира искусства» и старопечатные книги, и государство богатеет, и все это овевает духом романтики, авантюры и пассионарности.

А если всего этого не знать, то выставка совсем иначе смотрится. На ней — два пласта, «золотой» (пушкинский) и «серебряный» века русской культуры. Первый представлен миниатюрами, камерными портретами, частными письмами (в том числе пушкинскими, из коллекции Сергея Лифаря). Второй — рисунками, прежде всего Александра Бенуа, с которым Илья Зильберштейн переписывался, и Мстислава Добужинского.

У художников «Мира искусства» много отличий и от предшественников, и от потомков, и среди них то, что они работали

«Христос в терновом венце» малоизвестного скульптора Судьбинина — одна из парижских находок Ильи Зильберштейна ФОТО ГРИГОРИЯ СОБЧЕНКО

на специфическую аудиторию. Их средой был не музей, но частная коллекция. По всем характеристикам — техника (графика), тема (портрет, галантный жанр, интерьер, пейзаж с достопримечательностями), размер произведения, способ распространения (через дорогие журналы) — это было буржуазное искусство для частных ценителей. Это такое искусство, глядя на которое как-то сразу приятно думать о его цене — не маленькой, однако же и не астрономической, а как раз такой, чтобы по силам. И о том, кто его собрал, — человеку приятном, обходительном, состоятельном, со вкусом — возможно, с бутоньеркой.

То же, как ни странно, касается и искусства пушкинского времени. Нет, разумеется, там были произведения типа «Последнего дня Помпеи», рассчитанные сразу на музей или дворец, но был и другой пласт. Альбомы, миниатюры,

письма, перевязанные ленточкой с бантиком и с лепестком увядшей розы, памятно отметившей когда-то именины сердца, медальоны с портретом, так сказать, гения чистой красоты, хранящиеся в секретере вместе с прекрасными английскими ножницами и пилками для ногтей. Искусство не буржуазное, а искусство аристократического сувенира, который, однако же, тоже прекрасно конвертируется в сугубо рыночную ценность.

И вот самое потрясающее — как Илья Зильберштейн все это собирал. В его воспоминаниях есть эпизод, как его первый раз послали за границу, в Париж, в начале 60-х — Академия наук выдала ему десять долларов, и это все. Жил он на деньги тех, кто его пригласил, то есть Луи Арагона. Барон Эдуард Фальц-Фейн вспоминает, как они познакомились: «Он подошел ко мне и заговорил по-французски с ужасным ак-

центом. Я сразу догадался, что он из России, и ответил по-русски». Итак, представьте себе ситуацию, в начале 60-х к русским эмигрантам, графам, баронам, приходит некий Илья Зильберштейн, из Одессы, с Дерибасовской, с чудовищным французским языком, которому нечем заплатить за кофе. И начинает интересоваться их коллекциями. И в результате этого интереса они безвозмездно передают России то, что они когда-то вывезли в своих чемоданах на последнем пароходе из Крыма.

У меня есть знакомый архитекторный чиновник с приличной коллекцией эротических рисунков Константина Сомова. Ну, такой специфический материал, сугубо частный, подходит для молодых искусствоведов. К примеру, ах, вы любите «Мир искусства», у меня есть замечательные оригиналы Сомова, давайте вместе поглядим. Я вот думаю,

что будет, если я к нему приду и начну с каким-нибудь выраженным акцентом спрашивать, так ли не хочет ли он передать вот эту коллекцию, совершенно безвозмездно, в собрание государственного музея? Вот как, как это удавалось Зильберштейну?! Почему они с ним разговаривали? Почему не спустили его с лестницы?

Тут надо понять, чем совершенно неожиданно стало это искусство в СССР. В связи с уничтожением частной жизни и буржуазного потребления оно вдруг приобрело особый статус. Глядя на рисунки Александра Бенуа или Мстислава Добужинского, никому тогда в голову не приходило, сколько это стоит, и мысль о деньгах казалась кощунственной. Какие две с половиной тысячи евро за лист — это была высокая, чистая, светлая, остроумная, изящная Россия, которую мы потеряли. Это была мечта, горение изысканности, и настоящие про-

рабы духа умели так гореть, что дух захватывало. Мысль о том, что все русское искусство должно находиться в России, довольно странная. Как тогда быть с пропагандой русского? Но тут, в этой точке, сходились советский интеллигент Илья Зильберштейн и русский барон Фальц-Фейн. Что там жалкие две-три-четыре тысячи, которые можно было выручить за эти вещи на французском рынке, рядом с мечтой о России, которую мы потеряли и которую неким образом возвращаем, передавая свои частные коллекции в дар государству? Пустяк это, милый барон, вы же богатый человек. Идея дороже, бесконечно дороже, подумайте сами, вспомните вашу бабушку, я помню ее конфетную фабрику до революции в Одессе, разве не хотела бы она, чтобы ее память, мечты, душа вернулись в Россию! Решайтесь, милый барон! И, кстати, вы знакомы с князем Ростовским? Не знаете, что у него в коллекции?

Он вывез из русской эмиграции двадцать тысяч единиц хранения. Это был коллекционер, которому была оскорбительна сама мысль о деньгах. Он менял частные коллекции на государственную идею, материальные ценности — на чистый идеализм. Такого никогда не было и больше не будет.

Музей частных коллекций — институциональное оформление этой идеи; Илья Зильберштейн его придумал, и достаточно специфическим образом. Вещи должны были передаваться в музей безвозмездно, не так, как в американских музеях, где картина висит в экспозиции, но собственность на нее остается у коллекционера, а так, как в России, где все национализируется. Зато в залах должно было быть указано, чья коллекция, — коллекционер лишился собственности за то, что имя его попало в музей. Илья Зильберштейн не дождался открытия нынешнего музея в 1994 году, а теперь к столетию встает вопрос о том, чтобы музею присвоили его имя. Наверное, это правильно и справедливо. Только непонятно, может ли сегодня музей существовать на таких основаниях. Или все же это детище удивительной страны, выстроенной на идеалистическом принципе отказа от покупательной силы денег?